

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Вчера праздновали день рождения Сажиды, я как обычно, подарил ей роскошный букет белых хризантем. И мы вспомнили давнюю историю.

Было это далёкой зимой 1988–1989 года. Я возвращался домой с двухмесячных курсов повышения квалификации из города Львова. Зима в Западной Украине была совсем тёплой, температура ни разу не опустилась до нулевой отметки, преимущественно держалась между пятью и десятью градусами. Когда прилетел в Москву, то сразу замёрз в своём осеннем пальто — здесь зима была настоящая с температурой минус двадцать градусов и с ветром впридачу. Жду в аэропорту самолёт на Бугульму, билет уже купил, в кармане почти не осталось денег. Во Львове накупил подарков жене и двум дочкам. Оставалось только на дорогу и на обед, если рейс задержится. В нетерпении хожу по аэропорту, скорее бы домой, уж очень соскучился.

Чтобы скоротать время, подошёл к киоску и увидел, что там на витрине в вазе стоят очень красивые белые цветы. В те годы цветы вообще были страшным дефицитом, их можно было купить только в больших городах. В нашем Альметьевске их просто нигде не продавали. А тут такие красивые — белые... Раньше я видел только красные гвоздики. Пересчитал оставшиеся купюры, оставил на проезд из Бугульмы до Альметьевска, оставшихся денег хватало на пять белых гвоздик. Обрадовавшись, купил цветы и попросил продавщицу тщательно завернуть букет. На скамейке нашёл оставленную кем-то газету и ещё дополнительно укутал цветы, чтобы не заморозить в дороге. При посадке в самолёт, при высадке в Бугульме и всю дорогу в Альметьевск вёз цветы под пальто, уж очень холодно было на улице.

И вот, наконец, зайдя домой, развернул букет и вручил Сажиде со словами, что вроде бы не заморозил. Она взяла букет и весело рассмеялась. Я не сразу понял причину смеха. Оказалось, что эти красивые белые цветы — искусственные. А я-то, наивный, укутывал их и прятал под пальто всю дорогу. Потом вспомнил — когда уговаривал продавщицу тщательнее завернуть цветы, уж очень странно она на меня посмотрела. Наверное, нечасто видела наивных провинциалов. Но я в тот день сильно расстраиваться не стал, ведь наивным я был и в детстве, да и сейчас, когда мне под семьдесят, всё равно остался наивным. Только стал немного мудрее, терпимее, и, может быть, добрее. А белые цветы много лет украшали нашу квартиру, и не увядали. Впереди были страшные, разрушительные девяностые.

Да, забыл сказать — на следующий год после моего приезда из Львова у нас родился сын.

ВОДА! ВОДА!

Мы переехали в Альметьевск в ноябре 1959 года. Стояла глубокая осень, и через несколько дней папа повёл нас, детей, гулять по городу. Я впервые увидел городское озеро и был поражён и восхищён огромным количеством воды и гигантскими размерами озера. Ведь до этого я видел в деревне только узкую мелкую речушку. К тому времени во дворе я успел познакомиться с несколькими мальчишками, и мне очень захотелось поделиться с ними своим открытием, своей радостью и восхищением. Когда мы вернулись во двор, я собрал вокруг себя мальчишек и начал им восторженно говорить: «Вода! Вода!», показывать в сторону озера и широко разводить руками, пытаясь объяснить, как там много воды. Слово «вода» я только час назад узнал от папы, других слов по-русски пока не знал. Наверное, я был очень убедителен, потому что все пошли за мной смотреть эту воду. Когда пришли, а идти надо было около километра, я торжественно показал им озеро. Только никто меня не понял, так как они это озеро много раз видели, и не таким огромным оно было (где-то двести на триста метров). Они посмотрели на меня как на дурака и пошли назад. Я с братом Мансуром за ними.

Сколько раз потом в жизни я пытался делиться радостью с другими и встречал непонимание, наверное, в душе я остался тем же наивным мальчишкой, который, зная по-русски только слово «вода» смог повести за собой толпу почти незнакомых мальчишек.

ХОЗЯЙКА ЛЕСА

Карр... .. Карр... .. Открываю глаза. Ещё темновато. И опять — карр... Всё ясно. Пора вставать. Смотрю на будильник — шесть утра. Вторая половина сентября. Весь вчерашний день и почти всю ночь моросил мелкий холодный дождик. Вставать неохота. Но хозяйка леса призывно зовёт. Встаю, накидываю куртку и выхожу из вагончика в лес. Задираю голову и высматриваю, где она: «Чего каркаешь?». Ворона опять продолжает своё. Пару минут переключаемся. И вот она величаво, почти не взмахивая крыльями, планирует на соседнюю высоченную сосну. Я её прекрасно понимаю — не царское это дело — зря трепыхать крыльями. Вокруг испуганно и деловито снуют туда-сюда мелкие птички. Вот они-то и трепыхают крылышками. У них много дел. Но что интересно — они почему-то осенью летают молча. А ведь всю весну и почти всё лето я просыпался под великолепную лесную симфонию. Какие только птицы не выводили свои рулады. Роль ударных выполнял дятел, иногда их было несколько. Соловьи были солистами. Им подпевали жаворонки. А хозяйка леса — большая ворона — была дирижёром, своим методичным карканием она задавала ритм всей лесной симфонии. К сожалению, я не очень разбираюсь в трелях лесных птиц, но их многоголосие слушать по утрам было очень приятно.

Но вот наступили холодные дни и ночи, и многоголосие исчезло. Наверное, все мелкие птички готовятся к зиме — кто-то к перелёту в далёкие тёплые края, кто-то заготавливает корм на зиму. Им некогда петь. И даже дятел, который стучал всю зиму, весну и лето — даже он куда-то подевался. И только у большой чёрной вороны — ничего в жизни не изменилось. Ей некуда спешить — она не улетает в тёплые края. Ей надо каждое утро осмотреть свои владения, разбудить кого надо, задать с утра ритм лесной жизни, и только потом, не спеша, заняться своими делами. Она хозяйка здешнего леса. Скоро будет год, как я наблюдаю за этой лесной жизнью. Всё меняется, и только расписание вороны остаётся прежним. Сейчас начало золотой осени,

несмотря на промозглый мелкий дождик, в лесу нет грязи. Под ногами пружинит многолетний слой опавших листьев и хвои. Начинают желтеть, краснеть и опадать листья на деревьях, небо почти всегда затянуто серыми облаками, и только иногда через них пробиваются тёплые лучи солнца. И даже луна по ночам только изредка освещает весь этот величественный лесной пейзаж. Впереди — октябрь.

ПО МОТИВАМ СКАЗКИ ТУКАЯ

Пятьдесят лет я не был в родной деревне. И вот вместе с семьёй наконец приехал туда, где проходило моё босоное детство. С волнением ходил по местам, которые мне много раз снились. Дошёл до огромной вековой ивы на берегу речки. Ива была сломана, она лежала, словно поверженный богатырь, но всё ещё цеплялась за жизнь, тянула к солнцу зелёные листочки. Долго стоял я на берегу, держась рукой за её ствол, и вспоминал, вспоминал...

Ведь именно здесь шести-семилетним мальчишкой я испытал жуткий страх, как тот мальчишка — герой сказки Габдуллы Тукая «Водяная». Он играл на берегу реки, увидел, как водяная расчёсывала свои волосы золотым гребешком, потом пошла купаться, оставив гребешок на мостках. Мальчишка незаметно подкрался из-за кустов, схватил гребешок и побежал в деревню. Водяная с криками побежала за ним, но возле деревни собаки отогнали её. Перепуганный мальчишка прибежал домой и отдал гребешок матери, соврав, что нашёл. А ночью водяная постучалась к ним в окно и потребовала свой гребешок.

А я в тот солнечный летний день сидел на берегу речки в тени под кроной огромной раскидистой ивы и ловил рыбу на улочку. Рыбёшка, конечно, была мелкая. Мы ловили её вдвоём: один колотил палкой по воде, по камням, рыба выскакивала из укрытий, бросалась вниз по течению и попадала в наш садок из марли, закреплённой на палке, которую держал другой. Иногда вместо марли применяли майку, завязав одну сторону узлом. Наловив таким образом на жареху, мы относили улов матери, и она жарила рыбу на сковородке, а мы с аппетитом всё съедали. Более крупную рыбу уже в 10–12 лет ловили и на глубине, насаживали на кукан и тоже несли домой. А ниже по течению можно было поймать и огромную щуку. Об этом рассказывали взрослые. Мы, малышня, слушали эти рассказы как волшебные сказки, разинув рот. Так хотелось посмотреть на сказочные места! Я тогда ещё не знал, что самые сказочные места находятся именно в Новом Кинере...

И в тот вот день я смотрю на самодельный поплавок. На кукане уже приличный улов, пора собираться домой. И вдруг — о ужас! — возле моего поплавка беззвучно появилась большая (мне она показалась огромной) голова какого-то водного животного и уставилась на меня круглыми глазами. Скорее всего, это была водяная крыса, может, и другое животное. Несколько секунд я в оцепенении смотрю в эти глаза, они тоже внимательно изучают меня. Перепугался я жутко. Выйдя из оцепенения, бросил удочку и стремглав бросился вверх по склону домой. Бежал с огромной скоростью, и всё казалось, что кто-то бежит за мной. Прибежав домой, я закрыл дверь и до конца дня просидел, весь дрожа, родители были на работе. К тому времени я умел читать, и хорошо знал сказку Г. Тукая «Водяная», а Тукай был моим земляком, его деревня Тукай-Кырлай находится всего в пятнадцати километрах от моей деревни Новый Кинер. Тукай в детстве играл в тех же местах, ловил таких же рыбёшек, собирал такие же ягоды, как и я.

Ночью я долго не мог уснуть от страха, всё ждал, когда водяная постучит в окно. На следующий день еле осмелился выйти на улицу, но боялся спуститься к речке. И весь

день во мне боролись два чувства: с одной стороны — дикий страх, с другой — боязнь лишиться крючка. Удочка, которую я бросил на берегу, была самодельной: удилище — из тальника, который рос в изобилии, а вместо лески — обыкновенная нитка, которую можно было незаметно отмотать от катушки у мамы. Поплавки мы делали сами. Они были трёх видов — из толстой красной сосновой коры, из гусяного пера и из пробки от винной бутылки. И только крючок был покупным, и представлял среди мальчишек настоящую ценность. Как-то не принято было просить деньги у родителей, и крючки мы, мальчишки, выменивали друг у друга, например, на пустую консервную банку, из жести которой можно скрутить наконечник для стрелы. Такие заточенные стрелы насквозь пробивали лягушек, со стуком вонзались в дерево. Пытались мы даже подбить стрелами самолёты-кукурузники, которые часто летали над деревней. Автомобилей тогда почти не было, а вот самолёты различных типов часто летали над деревней.

Сейчас самолётов не видно, зато автомобилей полно. Но я отвлёкся. Это всё к тому, чтобы показать, что крючок представлял для нас ценность. И, наконец, ещё через день, пересилив страх, я осторожно, спустился к речке, на цыпочках подошёл к тому месту. Удочка лежала на месте, только кукана с уловом не было. Я схватил удочку и отбежал от этого страшного места.

С той поры прошло полвека. Осенью наша семья переехала в Альметьевск...

Долго стоял я возле сломанной ивы. И ностальгия, столько десятилетий не дававшая мне покоя, начала затихать и в душе, и в памяти.

ЗАПАХ МЯТЫ

Сборник произведений моего отца — писателя Рафаила Тухватуллина, изданный в 1990-м году на русском языке, называется «Запах мяты», в него был включён и одноимённый рассказ. Приведу коротенький отрывок из этого рассказа, в котором мать передаёт приехавшему погостить в родную деревню на берегу реки Ашыт сыну пучок травы:

«Джаббар засмеялся:

— Ну а это зачем, мама? Неужели ты хочешь и сено везти в Альметьевск? Чего-чего, а травы у нас достаточно. Рядом Зай, да и до леса недалеко.

— Это я мяты, сынок, — смутилась мать, — ты ведь сам говорил — нету в ваших краях мяты.

Правда, говорил. Действительно, не встречал он мяту нигде. А ведь где только не стояли их буровые вышки — и на лесных диких полянах, и на лугах, и в дремучих чащобах, и на берегах речек и речушек, но не видел он никогда эту траву, которая в изобилии росла вокруг родной деревни. И только там, наверно, нигде больше. Во многих сёлах пришлось ему жить, когда вели разведочное бурение, но и тогда ни в одном доме не встречал он на обеденном столе мяту.

Как тосковал он о еде, посыпанной сухой измельчённой мятой. Были дни, когда мог сорваться с места и лететь домой к родному порогу. А потом привык, а потом забыл и запах и вкус этой травы, так забыл, что даже не сумел узнать её сегодня во сне... Эх, Джаббар, Джаббар...»

А ведь и я помнил запах и вкус мяты, и на много-много лет забыл этот необыкновенный аромат и вкус. Эх, Рустам, Рустам... Дело в том, что у моей бабушки Сабзебахар в деревне Новый Кинер, стоящей на берегу реки Ашыт, на обеденном столе рядом с солонкой и перечницей всегда стояла (не знаю, как назвать) — мяточница, наверное, в которой находилась высушенная и мелко измельчённая мята, и мы любое блюдо

обильно ею посыпали, блюдо становилось вкуснее и ароматнее. Я и не знал, что это мята, в семье траву называли по-татарски — бөтнек. Когда мне было семь лет, наша семья переехала в Альметьевск, а ещё через несколько лет, после смерти дедушки Габдулгазиза, — бабушка переехала в Казань к старшей дочери. Уже будучи студентом, я заходил к ним в гости. На столе всегда появлялась измельчённая мята, и суп опять приобретал необыкновенный вкус и аромат. Откуда в Казани бабушка доставала мяту, я не знаю, наверное, привозили знакомые из деревни или покупала на рынке.

Прошло ещё много лет, давно не стало бабушки, я женился, один за другим родились трое детей, мы получили от завода трёхкомнатную квартиру, на заводском участке завели сад-огород. Построили каменный домик с железной крышей, посадили яблони, малину, смородину, вишню, сливу, крыжовник, иргу, даже облепиху. Само собой — огурцы, помидоры, лук, морковь и прочие огородные растения. В садах-огородах в те годы кипела жизнь. Любили повозиться в земле заводчане, ведь большинство были выходцами из деревни. В выходные приезжали семьями, часто ночевали. Все было благоустроено, силами завода подведена вода к каждому участку, сады-огороды были обнесены высоким металлическим забором, в домике возле входных ворот круглый год жил охранник. Никакого воровства не было, многие домики даже не запирались на замок.

Но наступили девяностые. Кругом начали появляться пункты по приёму цветного, а потом и чёрного металла. Сначала в огородах исчезла вся алюминиевая посуда, затем заборы из алюминиевой проволоки. Но это было мелочью. Потом исчезли металлические заборы и столбы, металлические ёмкости для воды. Выкапывали даже трубы для подачи воды. Всё разрезалось автогенем и увозилось глубокой осенью, когда на участках никого не было. Но народ продолжал ходить в огороды, вместо металлических появились деревянные заборы, воду для полива стали брать из вкопанных в землю ржавых бочек, благо, высокий уровень грунтовых вод это позволял. Потом исчез мощный металлический забор вокруг всего заводского участка, огороды превратились в проходной двор, исчез и металлический мостик с перилами через речушку. Но народ — удивительное дело — продолжал ходить в огороды, через речушку перекинули гнилые доски, небросали автомобильные покрышки. На заводе платили мизерную зарплату, да и её задерживали до девяти месяцев, а огороды были хоть каким-то подспорьем в хозяйстве.

Но пришла новая беда — стали десятками сгорать садовые домики, а заодно и деревянные заборы. За два-три года сгорели практически все садовые домики, остались всего две будки на отшибе. Бабушки и женщины стали бояться одни ходить на свои участки. По телевизору шла мощная пропаганда — ну зачем в нашей стране нужны эти участки в шесть соток, вон — в Америке — всё покупают в магазинах, а на своих участках возле домов там выращивают только цветы и газоны. Отдыхайте, бабушки и дедушки дома, нечего вам гнуть спины на шести сотках, покупайте овощи и фрукты в магазинах. И заперли бабушек и дедушек, ещё не старых мужчин и женщин в панельных хрущёвках, а ведь большинству из них, родившихся в деревне, повозиться в земле, посидеть возле цветущих яблонь и вишен, отведать сочные, свежие огурцы и помидоры со своей грядки — единственная отдушина в городской суете. А в бардаке девяностых им оставалось только посидеть на скамейке возле подъезда, чтобы потом зайти в душную хрущёвку и смотреть телевизор с льющейся оттуда «чернухой». Да и скамейки чаще всего были заняты пьющей пиво и громко орущей молодёжью. И пошла среди крепких ещё женщин, и, особенно мужчин смертность. Каждый год — потери, и у всех почти из-за проблем с сердцем. Больно было это видеть и слышать, ведь все были специалистами очень высокой квалификации, многих я знал. До сих

пор помню соседа по участку — симпатичного, всегда улыбающегося, приветливого мужчину. Чтобы уберечь свой домик от пожара, он почти всё лето жил и ночевал на участке. Но всё равно его домик сгорел, когда отлучился однажды. А через день и сердце остановилось...

Прошло ещё несколько лет. Территорию участков объявили городской зоной, и глава администрации сказал, что на городской территории не будет садов-огородов. Сейчас всего две семьи наших пожилых заводчан, которых я прекрасно знаю и глубоко уважаю, продолжают выращивать овощи и фрукты на своих участках. Им повезло — их участки оказались на отшибе, в стороне от проходных тропинок. Но они в общей картине погоду уже не делают. Все строения сожжены, разрушены, количество плодовых деревьев резко уменьшилось, а оставшиеся стали дикорастущими. Теперь можно за бесценок купить эту территорию для городской застройки. Об этом нам объявили в прошлом году, и я уже ничего не посадил на своём участке. Участок зарос травой почти в человеческий рост.

К чему я все это пишу, и причём тут запах мяты? А вот причём. Года три-четыре назад, пропалывая высокие грядки, я обратил внимание на один удивительно жизнестойкий сорняк с приятным запахом, неизвестно как попавший на мою грядку. Как только тщательно я не пропалывал, как только не перекапывал грядки, на следующий год этот сорняк вновь бурно рос, словно его и не пропалывали, словно он о чём-то хотел мне напомнить своим запахом и своей удивительной жизнестойкостью. А я никак не мог вспомнить этот запах! Как-то на свой участок забрёл сосед, он уже давно ничего не сажал, просто ноги сами частенько несли его в огород. И в разговоре с ним я пожаловался. Он ответил: по-татарски, бётнек, попробуй класть её в чай! Я собрал, высушил, измельчил этот сорняк и весь год добавлял мяту в блюда. И в памяти всплыли события полувековой давности. Наверное, запах мяты и был той последней каплей, которая заставила меня поехать с семьёй в родную деревню, обрести там старых и новых друзей. Но это — тема другого рассказа. Именно запах и удивительная жизнестойкость мяты убедили меня и в том, что сила человека — в корнях, в памяти о родных местах, в памяти о родителях, бабушках и дедушках. И эта сила всегда будет помогать нам в жизни, какие бы тяжёлые события не происходили с нами и вокруг нас, как бы не пытались нас перекапывать и выкорчёвывать.

P.S. В 1993 году мой папа Рафаил Тухватуллин очень надеялся к своему 70-летию юбилею издать сборник на татарском языке, и назывался этот сборник «Бётнек исе», или, в переводе на русский язык — «Запах мяты». Так он хотел встретить свой последний юбилей с запахом мяты. Но это были 90-е годы. Книгу не издали, осталась только её готовый макет. А ещё через полгода сердце Рафаила Тухватуллина остановилось...

Прошло ещё лет десять с тех пор, как я написал эти строки. Много изменилось. Мою будку давно разрушили, все участки буйно заросли высокой травой, мяты на участке не осталось. Все участки выкупили, идёт засыпка под строительство. А мы, продав городскую квартиру, построили дом в Мактаме, развели сад-огород, и на участке у нас, конечно же, растёт мята...

С ЛОШАДИ УПАЛ

Работал я в тот год охранником в банке. Платили мало, зато дежурство — только днём. Тогда мы строили дом, все тяжёлые работы выполняли сами, уставал я неимоверно, и только в банке два-три дня в неделю мог отдохнуть от стройки. Да ещё за это деньги платили.

Рядом со входом в банк росли большие деревья, и я в развилке закрутил два толстых самореза — болта, сделал съёмный турничок, привязав к концам палки две проволочные петли. Время от времени выходил с этой палкой на улицу, цеплял проволочные петли за болты-саморезы и мог подтягиваться, качать пресс. Конечно, эти занятия я проделывал незаметно, когда посетителей в банке не было. Все бы хорошо, но вскоре назначили нового руководителя в банк — энергичную, не очень-то терпящую возражения женщину. Я незаметно продолжал свои занятия, и вот однажды, когда заходил обратно в банк, стараясь прятать за спиной свою палку-турник, смотрю — стоит начальница и смотрит строго на меня. «Это вы куда ходили?» спрашивает она меня ледяным голосом. «Да вот, на турнике подтягивался» — отвечаю я тихонько. «А кто разрешил вам отлучаться от своего рабочего места? А если бы на нас в это время напали?» Я пытаюсь оправдываться: «Я же только на пару минут, да и то около входа в банк, ситуация под контролем». Но начальница непреклонна: «Я запрещаю вам отлучаться со своего рабочего места!».

А ведь если бы был курящим и выходил покурить к этому дереву возле входа в банк, никто бы и слова не сказал. Но спорить не стал, тренировки возле банка пришлось прекратить.

Прошло ещё несколько месяцев, и мне позвонила режиссёр телевидения Альфинур Магдеева из ГНВ, сказала, что будет сниматься телепередача о моём отце в рубрике «Эдоби хэзин» (Литературный клад) в Арском районе, родине отца. В назначенный день я поехал в Арск, предварительно сказав начальнице банка, что еду на съёмки.

Съёмки прошли превосходно, погода была расчудесная, съёмочный коллектив во главе с Альфинур Магдеевой — замечательный и талантливый, сама Альфинур — очаровательная молодая женщина. Съёмки проходили в Арске, в Тукае-Кырлае, в Яңа Иябаше возле дома, где в 1924 году родился мой отец, и где мне вручили «Коран, который видел Тукая», ранее принадлежавший нашей родственнице, и в Новом Кинере, где я увиделся с друзьями и знакомыми, и даже успел побывать на речке детства, где увидел сломанную вековую иву, запечатлённую в повести отца «Звезда моя», побывал возле дома, который построил мой отец в 1957 году, а на обратном пути в Казани даже зазвонил в редакцию журнала «Идель» к Альбине Абсалымовой, где меня сфотографировали с «Кораном, который видел Тукая».

С отличным настроением вернулся я поздно ночью в Альметьевск, а на следующее утро — был выходной день — полез на крышу бани закреплять двери на чердак. Но концы лестницы не закрепил, лестница скользнула по бетону, и я упал с высоты лицом на кирпичи. Ладно — висок не пробил. Но лицо с левой стороны подпортил основательно. Обрадовался — ладно, хоть, упал после съёмок. Но как идти на работу с разбитым лицом? Ведь охранник — лицо банка, а начальница — очень строгая, подумает ещё, что напился вдрызг и упал на асфальт. Ладно, утро вечера мудренее.

На работе старался сидеть боком, правой стороной к залу. Но начальница всё равно увидела. «Что у вас с лицом?» — спросила она с металлом в голосе. Ну я тут, придав лицу очень скромный вид, неожиданно для себя небрежно обронил: «Да с лошади упал на съёмках». У начальницы округлились глаза, на пару секунд она опешила, наверное, представила себе, как я на полном скаку кубарем лечу с лошади. И ведь поверила! Да как не поверить, она ведь знала, что я каждое утро и вечер переплываю городское озеро, занимаюсь на турнике, почему же не могу скакать на лошади? И она воскликнула с теплотой и жалостью в голосе: «Ну как же вы так неосторожно?» Я пробормотал, что, мол, на съёмках всякое бывает, но ничего страшного, через три — четыре дня всё заживёт...

Отношение ко мне со стороны начальницы кардинально поменялось, металлический оттенок в голосе исчез навсегда. Теперь я мог бы опять заниматься на своём турничке, но, к сожалению, то дерево весной спилили.

Через месяц-полтора в журнале «Идель» вышла статья «Коран, который видел Тукая» с моей фотографией на всю страницу. Я принёс журнал на работу и показал девушкам со скромными словами: «Вот, опять про меня в Казани напечатали». Начальница посмотрела журнал и говорит: «Вот, вы теперь знамениты в республиканском масштабе!». Я опять скромно и небрежно роняю: «В планетарном». «Что-что? Не поняла!» — говорит начальница. «В планетарном масштабе. Ведь телепередачу, в которой я снимался, ГНВ-Планета вещала на всю планету» — говорю я тихим голосом. Начальница опешила, потом воскликнула: «Да что же вы делаете в этом банке?». Я вразумительно ничего не смог ответить. Но мой авторитет в банке вырос до небес. Правда недолго музыка играла. Службу охраны в банке вскоре оптимизировали, а через полгода и сам банк оптимизировали.

Прошло шесть лет. Я успел сменить ещё три работы, ещё дважды попадал под оптимизацию. Участвовал в съёмках ещё одного телефильма про родного отца, вроде, намечается ещё одна съёмка. Но на ней уже всё будет спокойно, никаких «скачек на лошади». А жаль, я бы поскакал...

БАЛЛАДА О ПЕРВОМ ВАГОНЕ

Это было на первом курсе. Денег катастрофически не хватало. Стипендии в 45 рублей — тогда ещё я не получал повышенную — хватало в основном на еду и проезд в городском транспорте. А ведь надо и одеться, у меня не было костюма, пальто, не было самого необходимого. И вот нам с друзьями по общаге удалось найти работу по разгрузке вагонов — на заводе резино-технических изделий — РТИ. Это была большая удача.

Голодных студентов в Казани — пруд пруди, а вагонов — гораздо меньше. Надо было разгрузить шестьдесят тонн тюков сырой резины весом восемьдесят килограммов каждый. А весил я тогда чуть меньше шестидесяти килограммов. За тонну платили рубль. Таким образом, разгрузив вагон, мы, шесть друзей, получали на руки по целому червонцу. Это были приличные по тем временам деньги — можно было десять дней питаться в студенческих столовых. Но костюм или пальто, конечно же, стоили значительно дороже.

Мы рьяно взялись за разгрузку. Надо было взвалить на спину тяжеленный тюк, пройти дрожащими от тяжести ногами по шатающемуся дощатому настилу в кузов подъехавшего грузовика, и аккуратно скинуть, чтобы тюки в грузовике располагались стоймя вплотную друг к другу. Уже после третьего-четвёртого тюка я сильно засомневался, что выдержу, мышцы болели, спина гудела, дыхание стало учащённым. С ужасом смотрел я на этот огромный вагон, до потолка набитый тюками, и на крохотную кучку тюков в грузовике. Украдкой посмотрел на друзей — они сосредоточенно таскали тюки. И не видно, что устали. Заставил себя идти за очередным тюком. После двадцатого тюка настолько устал, что захотелось крикнуть — да пропади он пропадом, этот червонец! Но друзья всё таскают и таскают, грузовик заполнился и отъехал, нам удалось немного передохнуть. Но тут подъехал следующий грузовик. С трудом заставил себя встать. Так хотелось плюнуть на всё, вернуться в общагу и поваляться на кровать. Но через силу мы погрузили и второй грузовик, и третий, и десятый. Не знаю, как мои товарищи, но я работал в каком-то полузабытьи, и только одна мысль крутилась в голове — выдержать! Выдержать! Ведь мои друзья выдерживают! Ведь я не слабее других! Выдержал. Всего в вагоне было семьсот пятьдесят тюков — по сто двадцать пять на каждого — по шатающимся сходимям. Устали очень, руки-ноги

дрожали, спина гудела. Выдержали. И уже на следующее утро усталости как не бывало, на душе и радость, и гордость, смог преодолеть себя. И вот эти два ощущения — ощущение ужаса от предстоящего объёма тяжёлых работ, и ощущение радости после окончания тяжёлых работ — остались во мне на всю жизнь. Ведь ты же выдержал первый вагон! Значит выдержишь и преодолеешь!..

В моей жизни было много «разгруженных вагонов»: и стройотряд, и строительные шашки, непростая работа на различных должностях, тяжёлые болезни, очень непростые жизненные ситуации, и, наконец, уже в предпенсионном возрасте, работа с архивом папы при подготовке книги к его юбилею. С огромным трудом, расшифровывая первые несколько строчек его рукописи, с ужасом смотрел на огромный ворох документов, писем, рукописей. Разве можно одному человеку переработать эту гору пожелтевших бумаг! Но ведь у меня был в жизни первый вагон! А здесь речь шла не о червонце — о памяти отца. И, по мере расшифровки, как в проявителе, в его автобиографических рассказах проявились картины, как глубокой осенью 1941 года они — пять семнадцатилетних мальчишек — шахтёров — пешком пошли из Донбасса, из Горловки, которую бомбили и окружали фашисты, домой — в родной Татарстан, как им пришлось перепрыгивать с одного товарного поезда на другой, разгружать пароходы по шатающимся сходям с тюками больше собственного веса, и как они прыгали от радости, когда, наконец, высадились на пристани Казани. И в голове пронеслись аналогии — мои шатающиеся сходни, мои тяжёлые тюки за спиной, моя радость в той же Казани, когда преодолел трудности. И за год удалось подготовить макет книги к изданию. И была радость, когда книга вышла, а я стал лауреатом литературной премии имени своего отца. Уже несколько лет я на пенсии, но впереди много задач, которые я поставил перед собой. Да и жизнь подкидывает всё новые испытания. Надо как-то выдержать. Наверное, у каждого мужчины в молодости должен быть первый вагон. Или первый пароход. У моего отца был. У меня был. У моего сына тоже были вагоны — во время службы в армии, ещё при Сердюкове они грузили в вагоны тяжёлые ящики со снарядами и другими боеприпасами на утилизацию. Сын, как и я, как и мой отец, выдержал.

УРОКИ СХЕМОТЕХНИКИ

За окном снежная зима. Немного приболел. И опять перед глазами возникла абсолютно сюрреалистичная картина далёкого прошлого.

Далёкий заснеженный сибирский Енисейск. Зима 1978–79 года. В космосе уже летают тысячи спутников, и более половины из них — наши, советские. И именно из этого заснеженного Енисейска, из нашей части, управляются эти космические аппараты, в небо смотрят огромные космические антенны, каким-то чудом возникшие за очень короткий период жизни страны в глухой тайге.

За окном лютый холод — ниже минус пятидесяти. В комнате — двое. Один — ссыльный опальный лейтенант, высокий, худой, сутулый еврей, другой — любознательный старлей, татарин. И опальный, изолированный от общества лейтенант Виницкий читает лекции относительно свободному старлею Тухватуллину. И у обоих блеск в глазах, и обоим интересно — и лектору, и его слушателю, старательно записывающему лекции в общую тетрадь с красной обложкой. Тема лекций — «Современная схемотехника», причём материалы лекций настолько современны, что я сейчас, спустя почти полвека, понимаю, что они не устарели и сегодня, и не скоро устареют, ведь именно по этим законам, именно из этих кирпичиков создаются современные электронные изделия,

и даже искусственный разум. Просто размеры этих кирпичиков за полвека уменьшились на порядки, а законы, схемотехника этих кирпичиков остались те же самые...

Мне чрезвычайно интересно слушать эту сложную для понимания науку, и я старательно записываю лекции лейтенанта Веницкого в толстую общую тетрадь с красной обложкой. И Веницкий, обычно замкнутый, молчаливый, немного сутулый, тоже оживляется, на щеках появляется румянец. Он очень интересно и доходчиво читает мне лекции. И даже приводит в пример свои собственные изобретения в этой области. Чувствуется, что он прирожденный преподаватель, влюбленный в свой предмет. В комнате нас только двое. Дело в том, что командование части постаралось максимально оградить от тлетворного влияния лейтенанта Веницкого как офицеров, так и рядовых солдат. Вот и в офицерском общежитии ему выделили отдельную комнату, хотя даже кадровые холостые офицеры жили по двое. На службу он ходил один на самую отдаленную станцию, которая работала в автоматическом режиме и, в принципе, не требовала присутствия человека. Таким образом, он всегда был один — и на службе, и в общежитии. А мне он был интересен. Я видел в нём сильную, неординарную личность, и при каждой встрече пытался общаться с ним, задавал какие-то вопросы. И он, всегда одинокий, всегда молчаливый-грустный, видя мой интерес, немного рассказал о своей доармейской жизни, а однажды сам предложил мне читать лекции по схемотехнике. Конечно, я с радостью согласился.

А началась эта история за полгода до начала лекций. Веницкий появился в нашей роте через год после начала моей службы, или за год до её окончания, смотря с какой стороны считать. Был он высокий, худой, слегка сутулый, с большими немного выпуклыми глазами, любил одиночество. Сейчас он своей нелюдимостью, внешним видом и умом напоминает мне известного гения — математика Перельмана — отказавшегося от премии в миллион долларов за своё открытие. А тогда было лето. Лейтенант Веницкий ходил после смены на берег Енисея загорать. Один. Но кто-то из кадровых военнослужащих увидел, что у него на шее висит крестик на цепочке, и донёс об этом замполиту нашей роты. В то время это было ЧП. И лейтенанта Веницкого решили проработать на комсомольском собрании роты. Это было большой ошибкой замполита, но он это понял только во время собрания. Комсомольское собрание вели комсорг части — кадровый старший лейтенант, и наш замполит — майор. Собрали всех свободных от смены и караула солдат, сержантов и офицеров роты в красном уголке. Вопрос лейтенанту Веницкому: действительно ли Вы носите крестик? Ответ лейтенанта Веницкого: да, ношу. Вопрос: почему Вы носите крестик? Почему это от всех скрываете? Почему загораете один? Ответ: я верю в Бога. А загораю один, так как стесняюсь своей внешности. Вопрос: вы верите в Бога? Почему? Ответ: потому что Бог есть. И я вам могу это доказать. И лейтенант Веницкий в течение 10 минут доказал всей аудитории, что Бог есть, что природа очень совершенна и подчиняется законам, управляемым сверху. Я сейчас жалею, что не законспектировал ту речь. А организаторы комсомольского собрания оказались в затруднительном положении. Они ничего не могли аргументированно возразить лейтенанту Веницкому. А лейтенант Веницкий приводил конкретные цитаты из трудов В. И. Ленина, из программы коммунистической партии Советского Союза. Он бил организаторов собрания их же оружием. И через 20 минут вся рота, в том числе и я, начали верить, что существует Бог, как совершенные законы природы, как какая-то высшая сила, управляющая всем миром и природой. Пришлось нашему замполиту срочно закрыть комсомольское собрание.

А лейтенанта Веницкого уже на следующий день максимально отгородили от других военнослужащих. И я с ним сталкивался только в офицерском общежитии. Он приветливо здоровался со мной, и старался отвечать на мои вопросы. Наверное,

в эти месяцы с ним общался только я один. И зимой начались эти интересные лекции. Ведь жизнь в городке в лютые морозы замирала. Если летом мы после смены шли на Енисей с удочкой, или в тайгу за грибами, то зимой — только в гости друг к другу, тем более, что знакомых стало много, и непременно у кого-то был день рождения или ещё какое-то событие, и не обходилось без выпивки. Мне же гораздо интереснее было проводить свободное время с Винницким. Так и прошли эти долгие зимние месяцы, и заполнялась моя красная тетрадь. И мы общались. Я тогда понял, что лейтенант Винницкий был не только сильной личностью, но и гениальным инженером. Он уже на момент призыва в армию имел более 10 изобретений по схмотехнике, был до призыва одним из разработчиков системы ПВО страны, и, благодаря его изобретениям, несмотря на отставание от США в области микроэлектроники, была создана современная система ПВО, самые быстродействующие на тот момент ЭВМ для системы ПВО. Но зима прошла, потеплело, мы с друзьями опять после смены стали ходить на природу. Природа влекла меня не меньше, чем схмотехника. А летом я демобилизовался и поехал в незабываемое путешествие на Камчатку. С Винницким больше не виделся. Но благодаря его лекциям я настолько заинтересовался схмотехникой, что после армии вернулся на оборонный завод «Радиоприбор» только потому, что к этому времени на уникальном заводе, выпускавшем антенно-фидерные системы для всех видов самолётов СССР, как гражданских, так и военных, был организован цех по выпуску азимутально-дальномерных приёмников для системы навигации самых современных самолётов, напичканных микроэлектроникой по самой современной на тот день схмотехнике. На этом заводе я проработал 20 лет, познакомился со своей будущей женой, у нас родились трое замечательных детей, мы получили квартиры, сначала малосемейку, потом однокомнатную, потом трехкомнатную. А ведь было желание уйти после армии в нефтяники. И тогда жизнь сложилась бы совсем по-другому. Так что лейтенант Винницкий сыграл определённую роль в моей судьбе.

С тех пор прошло более сорок лет. И вот я увидел ту самую толстую общую тетрадь с лекциями, перелистал. В красивых эпохах, импульсах, логических квадратиках увидел и услышал какую-то высшую поэзию, высшую музыку, это были гениальные ноты, гениальные стихи. А ведь действительно, создаваемый нынче искусственный разум состоит именно из сложных логических квадратиков, триггеров, мультивибраторов! Наверное, и человеческий разум тоже состоит из каких-то логических частиц, связанных между собой особыми законами схмотехники. И гении отличаются от простых людей особенностями связей между этими частицами... Перелистал я эти давние лекции, нахлынули воспоминания. Достал и одел ту самую шинель, в которой служил в пятидесяти-шестидесятиградусные морозы, взял в руки ту самую тетрадь с лекциями, которые, я думаю, не устарели до сих пор, сфотографировался, сел за компьютер и написал эти воспоминания. А перед глазами все та же картина — где-то в заснеженной тайге на берегу Енисея в лютые морозы в комнате общежития лектор читает лекцию одному слушателю, и обоим интересно, и у обоих горят глаза.

ЯСНОВИДЯЩАЯ СКАЗАЛА

Сижу вот, в валенках, на деревянном крыльце деревянного дома, расположенного недалеко от реки. Почему сижу? Ясновидящая предсказала. Ещё восемнадцать лет назад. Работал я тогда в крупном научно-производственном управлении Татнефти, находящемся в Бугульме. Надо сказать, работа была творческая и очень интересная. У нас работали несколько конструкторов, человек пятнадцать рабочих высокой

квалификации, имелись практически все виды станков и оборудования, позволяющие очень быстро воплотить конструкторскую мысль в металл. Это фактически был мини-завод. Было своё снабжение, свой транспорт — УАЗ-буханка. К тому же методически нами руководил отдел ППД ОАО Татнефть, поэтому мы получали от нефтяников задачу, конструкторы за считанные дни находили решение проблемы, разрабатывали конструкторскую документацию, рабочие быстро воплощали это в металле, и уже через неделю мы ехали на скважину или КНС испытывать готовое изделие, выявляли недостатки, оперативно устраняли их и внедряли в серию. Оперативность была просто великолепная в вопросах разработки и внедрения нефтепромыслового оборудования. К тому же большинство специалистов, как среди ИТР, так и среди рабочих, пришли с оборонки. Одним словом, это была работа-мечта для творческого человека. Кто понимает, тот оценит.

Но вот эта наша работа-мечта закончилась. Концепция у нефтяников изменилась. Нам объяснили, что нефтяники должны заниматься добычей нефти, нефтепромысловое оборудование должны покупать у машиностроительных организаций, а разработка и производство нефтепромыслового оборудования — это непрофильное направление для нефтяников. И наш цех попал под оптимизацию. Станки и помещения выставили на продажу, части квалифицированных рабочих предложили работу в другом предприятии Татнефти, нам же, ИТР-ам — надо было начинать искать другую работу.

Главным конструктором у нас тогда работал Михаил Тимофеевич Козлов, кандидат технических наук, лет на пятнадцать старше меня. В своё время он в Молдавии руководил лабораторией ветроэнергетики, и оттуда привёз целый грузовик различных научных стендов, измерителей и железок. Надо сказать, Михаил Тимофеевич очень тепло относился ко мне, всё уговаривал написать кандидатскую диссертацию, благо материала было достаточно. А у меня тогда был непростой период в жизни, не до диссертации было. Михаил Тимофеевич переживал за меня. И вот ему приказали очистить помещения выставленного на продажу цеха от своих стендов-железок. А был он родом из-под Бугульмы, и в Бугульме у него были родственники и знакомые. Однажды он подошёл ко мне: «Рустам, помоги мне, пожалуйста, отвезти все стенды в Бугульму, я договорился с одной знакомой женщиной, она, кстати, является ясно-видящей, я её попрошу предсказать твоё будущее. С Жорой я договорился». Жора — это наш механик-водитель. Втроем мы все железяки-стенды отвезли во двор этой женщине в Бугульме, выгрузили у неё в гараже, и она пригласила нас домой на чай.

Вот сидим, пьём чай, и Михаил Тимофеевич говорит ей: «Не могла бы ты что-нибудь сказать про наших ребят?» Женщина сначала взглянула на Жору и сказала ему: «Вы где-то получили сильную дозу радиации». Жора удивился: «Да, действительно, я служил на атомной подводной лодке, и мы по полгода были в автономном плавании».

Потом она взглянула на меня и сказала: «Вижу вас, старенького, сидите в валенках на крыльце собственного деревянного дома, расположенного на берегу реки». Увидев мои вытаращенные от удивления глаза, она пояснила: «У вас в старости будут болеть ноги». Я был просто ошарашен её глупыми высказываниями — какой деревянный дом, да ещё на берегу реки? Я ведь городской житель... Но виду не подал. Тут в дом вошёл ещё один парень лет тридцати. Михаил Тимофеевич шепчет мне: «Этот тоже ясно-видящий, в этом доме обычно все ясно-видящие Бугульмы собираются». Парень зашёл в дом, взглянул на Жору и воскликнул, показывая на него рукой: «А вот он светится!». Мне стало жутковато сидеть в этом доме — какой-то шабаш ведьм собирается! — и мы поспешили уехать в Альметьевск. А про ту глупость, которую предсказала мне ясно-видящая, я успешно и надолго забыл, жизнь закрутила свою круговерть.

Прошло лет пять. Я уже давно забыл про глупые слова ясновидящей. Как-то летом мы с братом выехали далеко за город окучивать картошку. Вдруг словно что-то кольнуло в ногу и из меня стали уходить силы, как уходит воздух из проколотой шины. Сели в машину, я с трудом дорулил до города, небольшое расстояние от стоянки до дома я преодолевал больше часа, отдыхая каждые пятьдесят метров на скамейках, дома свалился без сил. На следующее утро смотрю — нога распухла и покраснела. Доковылял с трудом до больницы, где сначала поставили неправильный диагноз и назначили неправильное лечение. И только на третий день, когда я в коридоре поликлиники стоял в очереди на укол, случайно столкнулся со знакомым парнем, с которым когда-то учился на курсах вождения, и он оказался ведущим терапевтом этой поликлиники, благодаря ему мне поставили правильный диагноз, посоветовали купить два вида очень дешёвых, копеечных отечественных таблеток для улучшения микроциркуляции крови, и ногу удалось привести в порядок буквально за пару дней. Мне тогда и голову не пришло, что начали сбываться предсказания ясновидящей.

Прошло ещё лет семь. Однажды на семейном совете жена начала убеждать меня и детей продать нашу городскую квартиру и на эти деньги построить дом. Я конечно был против — это сколько мороки на старости лет! Стройка может продлиться до конца жизни! А я столько лет без отпуска! Но у жены уже всё было продумано — и где будем жить, пока дом строим, и куда временно пристроим нажитое. И дети её поддержали. Я понял, что против дома нет приёма, и махнул рукой: «Делайте, что хотите, только продажей квартиры и покупкой земельного участка занимайтесь сами. Когда надо будет начинать стройку, я подключусь». Вот они выбирали, выбирали, и купили два участка в Мактаме недалеко от реки Зай. Дальше — больше. Жена категорично заявила — хочу дом деревянный! Я пробовал переубедить её, ведь пожароопасно, но куда там! Хочу деревянный и всё! С огромными трудностями, почти всё своими руками, за пять лет построили деревянный дом и деревянную баню, гараж, теплицу, забор. Только техническую пристройку к дому — котельную — построили из газобетона. Я и тогда ещё не вспомнил про сбывающиеся предсказания ясновидящей.

Но вот как-то на работе пришлось целый день провести на улице, на пронизывающем ветру, я до ломоты заоченел. И на следующий день опять нога распухла. Диагноз я уже знал, и начал лечить ногу. В зимние ботинки распухшая нога пролезала с трудом, пришлось надеть валенки. И вот тогда я вспомнил! Все сошло — и валенки, и деревянный дом недалеко от реки, и большая нога. Только неточность — ясновидящая говорила, что видит меня стареньким. А я ещё не совсем старенький, а так, слегка пожилой. Это и радует, и огорчает. Значит, Бог даст мне ещё сколько-то лет жизни (стучу по дереву).

А всё же интересно — как, ну как ясновидящая за одну секунду смогла все это предвидеть и предсказать? Ну ладно, что с ногой не всё в порядке — она могла увидеть, ведь говорят, что ясновидящие просвечивают человека насквозь, как рентген. Но про дом, к тому же деревянный, да ещё на берегу реки — это же невозможно увидеть! Впрочем, я с некоторых пор перестал удивляться таким явлениям. Сколько же удивительных, порой необъяснимых, загадочных явлений происходило со мной в жизни, книгу можно написать. А ногу я приведу в полный порядок, у меня ещё много-много дел впереди! Может, и отдохнуть когда-нибудь удастся...

